

*Эта книга посвящается всем тем, кого Аида
вдохновила быть сильной.*

Аида — это мятежный дух в каждой из нас.

*Она смеется в лицо трудностям и всегда
остаётся верной себе.*

Бунтуйте, мои милые крошки!

Софи

Playlist

1. Hate Me — Nico Collins
2. You Don't Own Me — SAYGRACE
3. Boyfriend — Selena Gomez
4. Midnight Sky — Miley Cyrus
5. Somethin' Bad — Miranda Lambert
6. Sweet but Psycho — Ava Max
7. Love The Way You Lie — Rihanna
8. Ballroom Blitz — The Struts
9. Poison & Wine — The Civil Wars
10. Falling Slowly — Glen Hansard
11. Make You Feel My Love — Adele
12. Gnosienne: No. 1 — Erik Satie

Аида

Над озером, словно цветы, распускаются фейерверки, замирая в ясном ночном небе и опадая на туманную гладь воды.

Моего отца передергивает при первых звуках взрыва. Он не любит шумные и неожиданные явления. И поэтому я порой действую ему на нервы, воплощая в себе оба этих качества, даже когда пытаюсь быть паинькой.

Голубые и золотистые отблески пляшут на угрюмом лице отца. Ага, вот именно так он на меня и смотрит.

— Хочешь, поедим внутри? — спрашивает его Данте.

Ночь теплая, поэтому мы все сидим на террасе. Чикаго не похож на Сицилию, так что нужно пользоваться любой возможностью поесть снаружи. Впрочем, если бы не шум машин под нами, вполне

можно было бы представить себя где-то посреди итальянского виноградника. На столе стоит деревянная посуда, привезенная с прежней родины три поколения назад, а пергола над головой густо увита «изабеллой», которую *papa*¹ посадил ради тени. Приличного вина из этого винограда не сделаешь, но зато джем получается неплохой.

Мой отец качает головой.

— Здесь хорошо, — кратко отвечает он.

Данте издает неопределенный звук и возвращается к пережевыванию курицы. Он настолько огромный, что вилка в его руке кажется слишком маленькой. Брат всегда припадает к тарелке так, словно не ел несколько суток.

Данте самый старший из нас, поэтому он сидит по правую руку от отца. Неро — по левую, а рядом с ним — Себастиан. Я сижу с самого краю, где сидела бы моя мать, будь она жива.

— Что за праздник? — спрашивает Себастиан после очередного залпа.

— Это не праздник, это день рождения Нессы Гриффин, — отвечаю я.

Роскошное поместье Гриффинов расположено прямо на берегу озера, в самом сердце Голд-Коста². Они устроили весь этот фейерверк, чтобы в городе не осталось никого, кто бы не знал, что

¹ Папа (*итал.*).

² Голд-Кост — один из самых богатых и популярных районов Чикаго.

их маленькая принцесса устраивает вечеринку, — как будто мало того, что о грядущем празднике трубили на каждом углу, словно об Олимпиаде и Оскаре вместе взятых.

Себастиан не знал, потому что его не интересует ничего, кроме баскетбола. Он самый младший из моих братьев и самый высокий. У Себа стипендия в Чикагском университете, и он достаточно хорош собой, чтобы, навещая его, я замечала, как девочки плятятся и хихикают каждый раз, когда брат проходит мимо. У некоторых даже хватает смелости попросить его расписаться на футболке.

— И почему же нас не пригласили? — саркастически спрашивает Неро.

Нас не пригласили, потому что мы, блин, ненавидим Гриффинов, и это взаимно.

Список гостей составляется с особой тщательностью, чтобы в него вошли светские львицы, политики и все прочие, кого сочтут достаточно полезными или состоятельными. Сомневаюсь, что Несса знакома хоть с кем-то из них.

Впрочем, не то чтобы я ее жалела. Слышала, ее отец пригласил выступить Деми Ловато. Не Холзи¹, конечно, но тоже ничего.

— Какие новости по небоскребу на Оук-стрит? — спрашивает *rara* у Данте, медленно и тщательно нарезаая своего цыпленка в пармезане.

¹ Деми Ловато, Холзи — американские певицы и авторы песен.

Он прекрасно осведомлен, как дела у небоскреба на Оук-стрит, потому что следит за всем, что строит «Галло Констракшн». Отец просто хочет сменить тему, потому что его раздражает мысль о том, что прямо сейчас Гриффины потягивают шампанское и заключают сделки со сливками чикагского общества.

Мне насрать, чем занимаются Гриффины. Вот только я не люблю, когда где-то развлекаются без меня.

Так что пока мой отец и Данте бубнят о небоскребе, я шепчу Себастиану:

— Мы должны туда отправиться.

— Куда? — рассеянно спрашивает он, залпом выпивая большой стакан молока. Остальные пьют вино. Себастиан старается оставаться в отличной форме для дриблинга и приседаний, или какой там еще фигней занимается во время тренировок его команда долговязых огров.

— Мы должны поехать на вечеринку, — говорю я, понизив голос.

Неро тут же оживляется. Он обожает попадать в неприятности.

— Когда? — спрашивает он.

— Сразу после ужина.

— Нас нет в списке, — протестует Себастиан.

— Боже. — Я закатываю глаза. — Порой я сомневаюсь, что ты Галло. А перебежать дорогу в неполюженном месте ты тоже боишься?

Двое моих старших братьев настоящие гангстеры. Они разбираются с самыми грязными аспектами нашего бизнеса. А Себастиан собирается играть в НБА¹. Он живет в мире, отличном от нашего. Пытается быть хорошим мальчиком, законопослушным гражданином.

Однако Себ ближе всех мне по возрасту, и, пожалуй, я могу назвать его лучшим другом, хоть и люблю всех троих братьев. Так что он лишь ухмыляется мне в ответ и говорит:

— Так я же с вами, правда?

Данте бросает на нас суровый взгляд. Он все еще разговаривает с отцом, но знает, что мы что-то замысливаем.

Когда мы расправляемся с цыпленком, Грета выносит панна-котту. Она работает нашей экономкой уже примерно вечность и является моим вторым самым любимым человеком после Себастиана. Грета красива, у нее плотное телосложение и посеребренные, некогда рыжие волосы.

Она сделала мне панна-котту без малины, потому что знает, как я не люблю косточки, и не возражает против моей избалованности. Я тяну экономку к себе и целую ее в щеку, когда передо мной возникает десерт.

— Я уроню из-за тебя поднос, — говорит она, пытаюсь высвободиться из моих рук.

¹ НБА — Национальная баскетбольная ассоциация, профессиональная баскетбольная лига Северной Америки.

— Ты в жизни не роняла подносов, — отвечаю я.

Мой отец ест свой десерт хренову тучу времени. Попивает вино и снова и снова обсуждает профсоюз электриков. Готова поклясться — Данте специально поддерживает беседу, только чтобы нас позлить. Когда мы вот так все вместе собираемся за ужином, *rara* настаивает, чтобы мы сидели за столом до последнего. Телефоны также запрещены, и это настоящая пытка, потому что я чувствую, как мой не перестает вибрировать в кармане, разрываясь от сообщений, отправленных бог знает кем. Надеюсь, не Оливером.

Я рассталась с Оливером Каслом три месяца назад, но он из тех, кто не понимает намеков. Если он не перестанет меня донимать, скоро получит молотком по голове.

Наконец, *rara* заканчивает свой ужин, и мы собираем тарелки, чтобы поставить их в раковину для Греты.

Затем *rara* отправляется в свой кабинет, чтобы пропустить стаканчик-другой, пока Себастиан, Неро и я тайком пробираемся вниз по лестнице.

Конечно, нам не запрещено гулять в субботу вечером. В конце концов, мы все совершеннолетние (в моем случае — едва-едва). Однако мы не хотим, чтобы *rara* спрашивал, куда именно мы собираемся.

Мы плюхаемся в машину Неро — крутейший «Шевроле-Бел-Эйр» 1957 года, в котором официально будет колесить по городу, опустив крышу.

Неро заводит двигатель, и в свете фар мы видим стоящий перед нами мощный силуэт Данте со скрещенными руками. Он выглядит словно Майкл Майерс¹, задумавший нас убить.

Себастиан подпрыгивает, я негромко вскрикиваю.

— Ты мешаешь проехать, — сухо бросает Неро.

— Это плохая идея, — говорит Данте.

— Почему? — невинно спрашивает Неро. — Мы хотим прокатиться.

— Да? — отвечает Данте, продолжая стоять на месте. — Прямиком к Лэйк-Шор-драйв.

Неро решает сменить тактику.

— И что, если так? — говорит он. — Это всего лишь миленькая вечеринка шестнадцатилетней девчушки.

— Нессе девятнадцать, — поправляю его я.

— Девятнадцать? — Неро с отвращением качает головой. — Зачем вообще было... ладно. Видимо, какие-то дурацкие ирландские замашки. Или просто повод покрасоваться.

— Мы можем ехать? — вмешивается Себастиан. — Не хотелось бы пропустить все веселье.

— Залезай или проваливай, — говорю я Данте.

¹ Майкл Майерс — маньяк-убийца из фильмов ужасов «Хэллоуин».

Еще минуту он смотрит на нас, затем пожимает плечами.

— Ладно. Но я еду на переднем.

Без лишних слов я перелезаю назад, освобождая место для Данте. Небольшая плата за то, чтобы заполнить старшенького в команду тусовзломщиков.

Мы плавно едем по Ла-Салль-драйв, наслаждаясь теплым летним ветерком, обдувающим машину. У Неро темное сердце и буйный нрав, но этого никогда не скажешь по тому, как он водит. В машине он нежный, как попка младенца, спокойный и внимательный.

Может, потому что он любит свою «Шеви», в которую вложил тысячи часов работы. А может, вождение — это единственное, что его расслабляет. В любом случае, мне нравится видеть его таким — рука покоится на руле, ветер развивает гладкие темные волосы, глаза полуприкрыты, как у кошки.

До Голд-Коста не так уж далеко. Вообще-то, мы практически соседи — наша семья живет немного севернее, в Олд-Тауне. Впрочем, между этими районами мало общего — они оба роскошные, но каждый по-своему. Наш дом смотрит на Линкольн-парк, а их окна выходят на озеро¹. Но Олд-

¹ Озеро Мичиган, входит в систему североамериканских Великих озер, являясь вторым по объему и третьим по площади. Чикаго — один из городов, расположенных на его берегу.

Таун, как и следует из названия, охренительно старый¹. Наш дом был построен в викторианскую эпоху. Он стоит на тихой улице, которая утопает в зелени старых массивных дубов. Недалеко от нас находится церковь Святого Михаила, и мой отец искренне убежден, что лишь прямое вмешательство Бога уберегло ее в чикагском пожаре².

Голд-Кост — новенькая горячая штучка. Там полно выпендренных магазинов, ресторанов и особняков богатейших чикагских говнюков. Въезжая сюда, я чувствую, словно скакнула на тридцать лет вперед.

Мы с Себастианом и Неро планировали прокрасться через задний двор — может быть, стащить униформу у официантов. Данте, разумеется, не разменивается на подобную туфту. Он просто сунет охраннику пять сотен, и тот «находит» нас в списке гостей, пропуская внутрь.

Я хорошо знаю, как выглядит дом Гриффинов, хоть еще и не видела его вживую. Несколько лет назад эта покупка обсуждалась во всех новостях — в то время это был самый дорогой объект недвижимости в Чикаго. Пятнадцать тысяч квадратных футов³ за нехилые двадцать восемь миллионов долларов.

¹ Old Town дословно переводится как «Старый город» (англ.).

² Великий чикагский пожар продолжался с 8 по 10 октября 1871 года и уничтожил большую часть города.

³ Примерно 4500 м².